

Евгений ЛЕОНОВ: "Считаю себя неопознанным актером"

Сцена. - С. - ДД. - 1993. - Москва. - с. 7

ВСТРЕЧИ

То, что комики - самые мрачные люди, подмечено было давно. Но не знаю, насколько применимо это суждение к Евгению Павловичу Леонову. На сцене он подчеркнуто смешон, нерасторопен, а в жизни... Беззащитен и, по моему, одинок - такое сложилось впечатление. Он тоскует по старому МХАТу, атмосферу которого Леонову передал его учитель, Михаил Яншин, по блистательным работам Качалова - это одно из самых ярких, еще довоенных его впечатлений. С другой стороны, человеческая простота, доброта, наивность Леонова, похоже, не позволяют выйти на первый план всему тому мрачному, что наверняка накопилось в его душе...

Из-за недавно перенесенной клинической смерти, продолжающейся болезни сердца актер был вынужден несколько последних лет не сниматься в кино, редко выходил на сцену... Но нынешние гастроли московского "Ленкома", на которых вновь петербуржцы увидели "Поминальную молитву" Марка Захарова (пьеса Григория Горина по мотивам Шолом-Алейхема), вновь убедили, что Леонов хочет и может играть несмотря ни на что. А не вполне привычная для него, комика, трагическая роль Тевье-молочника, как признался сам Евгений Павлович, дает ему возможность в такой сложный для него (да и для театра) момент поговорить с Богом...

- Мне кажется, все мы не очень хорошо и не очень правильно живем - не по-человечески. Истребляем в себе духовность, уничтожаем, топчем ее. Конечно, мы стремимся к другой, хорошей жизни, но ведь перестраивая жизнь прежнюю, необходимо сохранить наш духовный мир в целостности. А главное - сохранить в себе доброе начало. Существует общеизвестная истина: отдавая, человек становится богаче. Можно ничего не иметь, но отдать другому кусочек милосердия, доброты, кусочек своего сердца... Все это я пытаюсь донести до зрителей в "Поминальной молитве", в своем авторском-актерском прологе. Необходимо поговорить с Богом, покаяться...

- Время диктует новые трактовки литературных произведений, пьес, театральных героев. Вы играете Тевье всего четыре года, но сколько событий, катаклизмов вместились в этот период. Приходится ли вам вносить новые штрихи в эту роль?

- Образ моего героя трансформируется вне меня: в нашем воздухе, в нашем пространстве. Естественно, что

на всех нас отражаются события общественной, политической жизни, но специально что-то менять в трактовке характера моего героя?.. Нет. Наша пьеса сама по себе такая современная! Ведь о чем она? О том, что люди забыли Бога, распылились. Кстати, и автора, Шолом-Алейхема - забыли, не признавали столько лет. Я убежден, что злоба может поселиться в человеке только злобу - это не зависит от политических условий. И еще наш спектакль - о мире, о дружбе, о добром сердце...

- Евгений Павлович, ваши герои всегда отличались добротой (за исключением, наверное, лишь незабвенного Доцента). Случайно ли это?

- Я не могу сказать, что уж такие они добрые, мои герои, что я... я несу в себе доброе начало! Вы знаете, я всегда занимался своим главным делом, я - актер. Когда актер в образе, он не думает об этом. Это или есть в нем, или нет.

- Еще учась в школе, вы начали заниматься в драмкружке, потом - театральное училище. Мечтали ли вы тогда, Евгений Павлович, о роли Фальстафа, к примеру, или Короля Лира?

- Никогда в жизни. Подспудные мысли появлялись, но дело в том, что я, наверное, был напуган своими учителями, которые приучили меня ориентироваться на то, что мне предлагают. Чаще всего, актера лучше знает режиссер, сам актер себя не знает.

Ведь я уже после "Полосатого рейса" мог сказать себе: я - комик, и говорить тут нечего. Какая там "Донская повесть", какой Тевье-молочник? А вспомните, как публика удивлялась: ах, Леонов в трагической роли донского казака! Где-то в глубине души я подозревал, что, может, и смогу сыграть такую роль, но боялся об этом вслух сказать.

- Евгений Павлович, в "Ленкоме" много совсем молодых актеров (среди них, кстати, и ваш сын - Андрей). Как у вас с ними складываются отношения?

- У нас молодые очень талантливые, как и все наши актеры. Если у молодых возникает желание что-то "взять" от меня - они возьмут, а нет - и не надо.

- После долгого перерыва вы, наконец, снялись в кино, в главной роли, в фильме "Американский дедушка"... Какой он, ваш дедушка, что это за герой?

- Такой же, как и я. Я старался себя играть. Фильм снят по сценарию драматурга Корсунского - это, конечно, не Чехов и не Горький. При подобной литературе лучше ориентироваться на собственный образ. Смысл фильма в том, что приехал дедушка - эмигрант, захотел купить кусочек земли. А здесь, в России, полная неразбериха - кого-то увольняют, кто-то с верхнего этажа прыгает, у кого-то жена уходит... А главное, что место на кладбище не купить - мафия. А позже выясняется, что там вообще давно не хоронят, так как на месте кладбища стадион будет строиться. Мыкался дед, мыкался, влюбился в проститутку и женился на ней. А вообще, это комедия...

- Евгений Павлович, в эпитафии к "Письмам сыну" вы писали, что, не умея петь, не попадая ни в одну ноту, все равно пытались этому научиться; что, не имея никакого опыта в литературе, взялись написать книгу. Борьба с самим собой - это ваш способ достижения успеха?

- В нашей профессии ко всему так подходишь, потому что актерская жизнь - это борьба за все: за роль, за ее воплощение...

- На следующих гастролях "Ленкома" в Петербурге мы увидим премьеру с вашим участием?

- Посмотрим... Слышал, что Горин написал новую пьесу, и что там даже есть для меня роль... Вообще, я считаю себя неопознанным актером. Чувствую в себе потенциал, но он мною до сих пор не изведен. Может быть, я действительно Фальстафа могу сыграть, а может, даже и Лира...

Беседу вела
Вера КРИЧЕВСКАЯ